

обсуждения данных программ самими калмыцкими делегатами, а не администрацией стала бы возможной выработка на их основе единой программы, которая могла бы стать хорошим основанием для планируемой реформы.

Там же. Лл. 55. Желание Малодербетовского улуса, разрабатывать программу на самом съезде, было вполне понятным, так как его представители намеревались вынести на его обсуждение вопрос «О введении воинской повинности в Калмыцкой степи» на общих основаниях или в порядке комплектования специальных калмыцких частей на особых условиях (переход в казачество). Это требование было направлено на достижение юридического равноправия калмыцкого народа с другими народами империи, и его осуществление означало бы расширение гражданских прав калмыков, а в дальнейшем пересмотр политико-административного статуса Калмыцкой степи. Однако, несмотря на то, что это требование и попало в первую редакцию, во вторую окончательную редакцию программы съезда, утвержденную министром, оно не попало. Что же касается правил, утвержденных министром внутренних дел 2 мая 1907 г., то они включали в себя три основных пункта: 1) съезды имеют характер совещательного учреждения и резолюций обязательного значения принимать не могут, 2) съезды имеют задачей всестороннее освещение вопросов скотоводческого хозяйства; 3) съезды созываются под председательством заведующего калмыцким народом в составе всех попечителей и тех калмыков-скотоводов, которые пожелают принять добровольное участие в заседаниях съезда. (См. НА РК, Ф. И-9. Оп. 1. Ед. хр. 308. Лл. 24-24об.)

³² Среди делегатов (Ц-Д. Онкоров, М. Хадбитов, Г. Балзанов, Э. Кармыков, Л. Арлуев, с. Талтаев, Ц-У. Леджинов) присутствовали и служители ламаистской церкви во главе с ламой Ч. Балдановым.

³³ Труды съездов улусных попечителей. С. 226, 235-236, 238, 243, 255.

³⁴ НА РК, Ф. И-9. Оп. 1. Ед. хр. 308. Лл. 34-36.

³⁵ Там же. Лл. 1-24. К сожалению, в окончательную программу съезда так и не попали многие вопросы, поднимаемые улусными сходами, что естественно не способствовало установлению доверительных отношений между властью и подданными.

³⁶ Труды съездов улусных попечителей. С. 239-240.

³⁷ НА РК, ф. И-9, оп. 9, ед. хр. 18.

В.Г. Дауышен

Население Западной Монголии в конце XIX в. и проблемы региона

Западная Монголия была завоевана и включена в состав Цинской империи в XVIII в., центром которой стал г. Кобдо. В административном отношении Западная Монголия составляла отдельный

округ во главе с чиновником, назначаемым из Пекина, обычно маньчжуром. Эта должность «цаньцзань дачэнь» («министр-секретарь») по-русски обычно называлась амбань. Кобдоский округ находился в ведении Улясутайского цзянцзюня - генерал-губернатора Халхи (Внешней Монголии). Собственно Кобдо не входил в состав Халхи, и амбань формально подчинялся цзянцзюню лишь в военном отношении. Однако, отсутствие разделения гражданской и военной власти, а также сложившаяся практика создавали систему двойного подчинения - напрямую Пекину и параллельно Улясутаю. Кроме того, в некоторых ситуациях Пекин рекомендовал амбаню Кобдо действовать совместно с властями провинции Синьцзян. Территория Кобдоского округа определялась в 453 тыс. кв. верст¹. Округ составлял около 20 % территории Монголии (Внешней и Внутренней) и имел около 10% ее населения. Численность населения Западной Монголии по русским данным в 80-х гг. XX в. составляла около 150 тыс. чел. западно-монгольских племен и 60 тыс. чел. казахов («киргиз абак-киреевского рода»)², в округе проживали и представители других этнических групп.

Цинские власти осуществляли лишь общий контроль, население же управлялось своими родовыми князьями, хошун-цзасаками. Цзасак был полновластным, наследственным правителем хошуна, но обязан был следовать маньчжурским законам. Цзасаки хошунов в Западной Монголии, как и в других частях Цинской империи, получили титулы служилой знати. Среди них были цинь-ваны (князья 1-й степени), цзюнь-ваны (князья 2-й степени), бэйлэ (князья 3-й степени), бэйсэ (князья 4-й степени), улус-ту-тусалакчи-гуны (князья 6-й степени), тайджи. Военно-административная система монгольского населения Кобдоского округа строилась на общих для Монголии принципах, однако в отличие от Халхи, отсутствовали аймаки, было лишь два сейма (совета князей). По этой системе хошун приравнивался к дивизии, а сейм к корпусу (чугулгану). Сейм Сайн-цзяягату объединял 16 хошунов, кочевавших преимущественно в северной части округа. 4 хошуна сейма Чин-сэтхильту кочевали в южной части округа. Большинство хошунов - 13 из 20, состояло всего из одного сумона (эскадрона). В Западной Монголии очевидно не имелось монголов Шабинского ведомства.

Этно-племенная и административная структура Западной Мон-

голии, в отличие от других монгольских территорий, была довольно сложной. З. Матусовский в своей фундаментальной работе «Географическое обозрение Китайской империи»³ выделил в составе монгольских народностей Кобдо: урянхаев, кочующих по Алтаю; ойратов, «к коим причисляются: дурбэты (дербэты), торгуты, и хойты»; хошотов; байтов (баяты); дархатов; захачитов. Кроме того, были перечислены тюркские народы Кобдо: киргизы (казахи), урянхай (тувинцы) и котоны (хотоны); а также названо китайское население. В составе сейма Чин-сэтхильту было три сумона «Новых торгоутов» и сумон «новых хошутов», т.е. вернувшихся с Волги калмыков. Очевидно этот сейм исследователь Б.В. Долбежев упомянул в числе «7 синьцзянских калмыцких сеймов»⁴. Другой известный путешественник и исследователь М.В. Певцов среди населения Кобдоского округа называл следующие хошуны: дурбет (дербэт), мынгит (мингар, мянгат), олет, алтайских урянхаев, торгоутов (торгутов) Южного Алтая, цзахачин (захчин), а кроме того землю киргизов-киреевцев⁵.

По данным российских исследователей к концу XIX в. наблюдались значительные отличия среди различных западномонгольских этнических групп, поддерживаемых военно-административным устройством населения. Кроме того, сохранялись различия между местными ойратами и пришельцами с Волги и Синьцзяна, являвшихся представителями тех же племенных групп. Алтайские урянхайцы, вероятно, относятся к монгольской народности, и можно предположить, что они не являлись тувинцами, воспринявшими монгольский язык, но и не были племенным объединением ойратов. Хотоны к концу XIX в. еще не были сильно монголизированы.

Из материалов исследователей видно, что во 2-й пол. XIX в. значительную долю населения Кобдоского округа составляли казахи, в основном, племени киреев, а также найманов. Составляя до 30% населения, они не были включены в традиционную военно-административную систему Монголии, формально же были подчинены Кобдо лишь в 80-х гг. XIX в. З. Матусовский отмечал, что 12 тыс. кибиток абак-киреев, кочующих по Иртышу в Кобдоском округе, подчинялись Чугучакскому амбану.

Казахи (найманы и киреи) заселили Черный Иртыш в XVIII в. Однако восстание мусульман Синьцзяна привело к некоторому от-

теснению их из верховьев Иртыша бежавших калмыками. В Западной Монголии проживало значительное число российских казахов, бежавшее через границу в разное время. В середине XIX в. из кочевавших на Алтае 4,5 тыс. кибиток 2 тыс. кибиток ушло в Кобдоский округ Внешней Монголии⁶. В конце июля 1878 г. 750 юрт Чингистайской волости Усть-Каменогорского уезда, вследствие изъятия у них кочевков на правом берегу Бухтармы, откочевали на территорию Цинской империи. В октябре 1878 г. почти вся Алтайская волость, 1061 кибитка, откочевала в Китай. В 1898 г. по Зайсанскому уезду из 23659 кибитковладельцев, внесенных в списки, числилось бежавшими в Китай 1977 семей, по Усть-Каменогорскому уезду - из 17413 - 248 семей⁷. Следует отметить, что из Западной Монголии нередко казахи откочевывали в другие места. Например, в 1879 г. из Монголии в Чуйскую долину, а затем на Бухтарму перекочевало около тысячи семей киреев.

Отношения между ойратами и казахами были напряженными, но цинские власти в конце XIX в. не могли решиться на поддержку одной из сторон. Но монгольские народы являлись в XIX в. наиболее надежным и важным союзником Цинской династии в борьбе с мусульманским сепаратизмом, и как-то ущемить их права на землю в пользу ненадежных тюрков-мусульман Пекин не решался. Однако в противостоянии с Россией Китай всячески переманивал к себе казахов, создавая льготные условия.

В конце XIX в. в Западной Монголии постоянно находились китайцы. Российский исследователь В. Радлов писал о Кобдо: «Возле этих укреплений поселились сами собою китайские купцы и ремесленники и открыли здесь торговые базары для окрестных монголов. Ремесленники и купцы приезжают сюда большею частью партиями и без семейств; от купцов являются только доверенные и прикащики, а ремесленники почти все самостоятельные хозяева. Почти все приезжие останавливаются здесь на очень непродолжительное время. В последние годы приютилось здесь много бежавших из Илийского края, как женщин, так и мужчин. Женщины, вдовы и девицы снова вышли замуж за живущих здесь китайцев; и от того в последнее время в этих посадах образовалось значительное число китайских семейств»⁸.

В.В. Радлов дал довольно подробную картину китайского присутствия в Кобдо в начале 70-х гг. XIX в.: «Верстах в двадцати от

города Хобдо есть маленькое место, годное для хлебопашества; оно принадлежит казне и обрабатывается китайцами по вольному найму. Хлеб сполна собирается в казенные магазины для продовольствия стоящих в городе войск и семейств чиновников... Кроме этих лавочников, есть еще значительное число ремесленников, которые работают необходимые для городских жителей вещи и приготавливают многие изделия для кочующих жителей края. Наконец, живут в Хобдо садовники, столяры, маляры, портные, сапожники, кузнецы и мастера серебряных и медных изделий. В конце XIX в. в Кобдо были отправлены китайцы - зеленознаменные солдаты для занятия земледелием. В 1903 г. в Кобдо жило несколько дунган-торговцев, но монголы их не отличали от остальных китайцев.

Кроме китайцев в Кобдо также несли службу знаменные маньчжуры. Летом 1878 г. в Кобдо проживало около 400 солдат. В 1900 г. Маньчжурских знаменных войск в Кобдо было немногим более 270 человек офицеров и солдат⁹. Кроме гарнизона, маньчжурские офицеры командовали монгольскими пограничными караулами.

Во 2-й пол. XIX в. на территории Кобдоского округа появились русские. В 1864 г. томский губернатор Лерхе по ходатайству купцов отправил в Кобдо штабс-капитана Принца для установления торговых отношений. Так как в Западной Монголии не было российского консульства, то российские подданные не имели права постоянного проживания и строительства своих домов. Китайские власти старались оказывать всяческие препятствия русским торговцам и для объединения купцов и переговоров с местными властями в Кобдо в начале 1883 г. выбрали старосту, купца И.П. Котельникова. Защита интересов русских подданных в этом районе была возложена на консула в Урге. Несмотря на сложности, русские торговцы постоянно жили в Кобдо, в городе имелось большое русское подворье, на каждой из 3-х его улиц были русские лавки. Особо следует отметить, что Западная Монголия, вместе с Тувой, до конца XIX в. были единственными территориями в Цинской империи, где русские торговцы жили и работали вне городов, непосредственно с местным населением. К началу XIX в. несколько десятков русских торговцев вели свои дела в этом регионе, в том числе 24 купца имели значительные торговые обороты. В Кобдоском округе жили не только торговцы, но и русские крестьяне, например, чердынс-

кий крестьянин Ф.И. Минин прожил в Западной Монголии с 1873 по 1898 г. Он владел разговорным и письменным монгольским языком и даже составил русско-монгольский словарь. Частыми гостями в Кобдоском округе были русские ученые.

Население и власти Кобдоского округа находились в сложных отношениях со своими соседями. Ойраты имели проблемы в отношениях с мусульманскими народностями Цинской империи, что было вызвано недавними мусульманскими восстаниями, заставившими монголов не только бросить свои кочевья в Синьцзяне, но и бежать через Россию в Монголию, а в 1872 г. дунганская армия сожгла город Кобдо. Еще большей проблемой в двухсторонних отношениях был земельный вопрос, вызванный увеличением казахского населения в южных районах округа. О сложности отношений говорит тот факт, что монгольские возчики русских товаров отказывались ездить через казахские кочевья даже за повышенную плату. В 90-х гг. в Кобдо был командирован чиновник из Гирина, специально для улаживания споров между казахами и алтайскими урянхайцами.

Отношение к цинской администрации в конце XIX в. было лояльным, но «без усердия». В отличие от части своих соплеменников в Синьцзяне, ойраты не принадлежали к служилому знаменному сословию, хотя и были включены в военно-административную систему Монголии. Большинство западномонгольских народностей (за исключением олётов), было силой оружия покорено цинами, либо они пришли в Китай после маньчжуро-джунгарских войн. Цинские власти в конце XIX в. не доверяли монголам. В начале конфликта с Россией летом 1900 г. Кобдоский амбань Жуй Сюнь докладывал в Пекин: «Я еще боюсь, что Монголия думает только о выгоде ... я боюсь, что они нарушат приказ»¹⁰. Монгольских князей подкупали дорогими подарками, но собранное в Кобдо в 1900 г. монгольское ополчение перебило маньчжурских офицеров и разбежалось.

Отношение собственно к китайцам формировалось в процессе торгово-экономических связей. Как всяких торговцев и ростовщиков, монголы их не любили, но не могли обойтись без них. Китайцы для монголов во 2-й пол. XIX в. не выступали в качестве нации, представляющей государство-эксплуататора или носителей великоханьского шовинизма по отношению к кочевникам.

Отношение к русским формировалось двумя основными факторами. Русские выступали как торговцы и ростовщики, а также как представители сильного соседнего государства. Негативные стороны от соседства с русскими в этом отношении монголами ощущались гораздо слабее, чем тувинцами и казаками, которые имели земельные споры и находились под «большим давлением» торговой и хозяйственной деятельности русских, а положительные, как противовес китайской деятельности, - больше. Немаловажную роль играла и религия, в частности более терпимые взаимоотношения между представителями христианства и буддизма. Показательным является мнение Г.Н. Потанина: «Жизнь монголов проходит тихо; нравы их мягки, преступления редки, о зверском обращении с женами или детьми не слышно ... Иностранец может спокойно путешествовать по стране, русские приказчики в одиночку разъезжают по кочевьям и не жалуются на обиды ... в киргизской степи ... путешествовать по стране без конвоя едва ли так безопасно, как в Монголии»¹.

Кобдоский округ в конце XIX в. представлял собой своеобразный регион в составе Цинской империи, по многим параметрам отличный от соседних Халхи и Синьцзяна. Отношения с соседними территориями Китая и России были важным фактором развития Западной Монголии, но в тот период не вызывали серьезных противоречий и проблем. Основные проблемы в регионе формировались в сфере межнациональных отношений на базе культурно-конфессиональных, экономических и политических противоречий. Большое значение для Кобдоского округа во 2-й пол. XIX в. приобретают проблемы, связанные с увеличением числа казахского населения в округе. К началу XX в. также созрели условия для нового этапа ханьского освоения Западной Монголии, появления китайских поселков в других местах Кобдоского округа. Ко времени монгольской революции, например в Уланкоме уже проживало около 300 китайцев. Важным фактором дальнейшего развития региона стали противоречия между цинской администрацией и местным населением, также проявившиеся к концу XIX в. Все эти противоречия привели к превращению Кобдоского округа в одну из наиболее конфликтных зон в период Синьхайской революции.

¹ Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. I. СПб., 1889. С. 167.

¹ Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891. С. 13.

² Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.

³ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913.

⁴ Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. Омск, 1883.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 2. Д. 74. Л. 2.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 12. Д. 13280.

⁷ Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. II. - СПб., 1871. С. 356.

⁸ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. Пекин, 1959. С. 444.

⁹ Там же. С. 443.

¹⁰ Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 5.

У.Б. Очиров

К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в кон. XVII – нач. XX вв.

В XVII-XVIII вв. в калмыцких улусах неоднократно вспыхивали междоусобные столкновения, в результате которых ряд этнических групп ушел за пределы калмыцких кочевий, а некоторые из них при этом приняли православие и перешли к оседлому образу жизни. Калмыцкие феодалы и духовенство пытались воспрепятствовать этим процессам, но к концу XVIII в. численность «мигрантов» достигла уже 22,6 тыс. человек¹ (более 25,6% численности всего калмыцкого народа). Исследование динамики численности калмыцких этнических групп за пределами Калмыцкой степи осложняется отсутствием развернутых статистических исследований, особенно